

УДК 321.7+004.738.5

ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В.О. СТАШИС

(Белорусский государственный университет, Минск)

Исследуется феномен сети Интернет как особого социально-политического пространства. Рассматривается проблема формирования цифровой культуры в условиях экспоненциального развития информационно-коммуникационных технологий. Пользователи сети Интернет формируют специфическую область социальных отношений, анализ которой способен не только показать эклектичный набор доменов (автономных областей) внутри виртуальной реальности, но также вскрыть иерархичность и, что не менее важно, коллективные ценностные ориентиры интернет-среды. Социальная, экономическая и политическая важность цифровой среды не вызывает сомнений, из-за чего она становится местом борьбы за влияние со стороны агентов, имеющих различную степень идеологической ангажированности. Ключевым аспектом данной статьи является изображение цифровой культуры как сформированной и обладающей собственными атрибутами системы, без учета ценностей которой Интернет предстает в качестве вещи самой по себе.

Ключевые слова: цифровая культура, киберпространство, информационное общество, Интернет, демократия, приватность.

Введение. Анализ социального пространства не может считаться полным без исследования политики, выступающей механизмом его функционирования. Античная максима, что человек – это «животное политическое», находит подтверждение, как только люди вступают в коммуникацию. Без конструирования институциональных отношений (семья, собственность, власть и др.) человеческое взаимодействие остается неорганизованным, а в такой форме оно не способно привести к продуктивным результатам. Как отмечал Б. Спиноза, рассуждая о природе естественного права в «Политическом трактате», «люди едва ли могли бы без взаимной помощи поддерживать жизнь и совершенствовать свой дух» [1, с. 295]. Этот фактор, а также рост проявляющейся в человеческом единстве мощи, могут свидетельствовать, зачем люди собираются с целью «жить по общему решению всех» [1, с. 295]. Сам феномен государства может быть оценен как наиболее естественный способ движения к тому, что «здравый разум признает полезным для всех людей» [1, с. 302].

Любопытной является сама постановка проблемы естественного права, т.е. права как чего-то неотъемлемого и присущего от самой природы (или Бога). *Jus naturale* как философская концепция может рассматриваться в качестве утверждения, что человеческая природа не может быть ограничена в понятиях физикализма (вспомним, что юснатуристы противопоставляли свой подход позитивизму). И тогда в качестве органичной (естественно присущей) для человека среды, вне которой человека представить невозможно, могут (и должны) быть рассмотрены не только географические и биологические условия, но также социальная и культурная сферы. Так, в ряде философских исследований предлагается использовать метафору природы при рассуждении о категории социальной реальности. Отдельно выделим посвященную этой проблеме книгу «Третья природа. Размышления о культуре и цивилизации» М. Уварова. Советский и российский философ предложил выделить четыре типа природы, деление которой коррелирует с разными типами реальности: биологическая, социальная, культурная, виртуальная [2]. В контексте нашего исследования важно заметить, что государство работает со всеми уровнями реальности. При этом оно не существует автономно, а само инкорпорировано в мир рядом сильных и слабых связей, и потому проблемы и веянья, возникающие на уровне «первой» природы, «второй» природы и т.д., не могут не отражаться в его развитии.

Основная часть. Проблема взаимодействия виртуальной среды, характеризующейся постоянным ростом и сопутствующими этому росту изменениями, и государства как социально-политического института сегодня активно обсуждается в пространстве гуманитарных исследований. Учитывая взаимность влияния «четвертой» природы и государства, попробуем сосредоточиться на Интернете как особом культурном пространстве, чтобы иметь возможность выделить его социально-политическую специфику. При этом нас не столько интересуют конкретные стратегии взаимодействия и влияния государственной политики на интернет-среду, сколько те общие характеристики культурного феномена сети Интернет, которые могут быть выделены в связи со сложившимися техническими и социальными особенностями коммуникации внутри виртуального пространства.

В статье «Краткий курс истории Интернет» авторы, участвовавшие в разработке и проектировании архитектуры компьютерных сетей на ранних этапах развития современных информационных технологий, указывают, что «первый росток Интернет» вззошел в 1969 г. после успешного объединения четырех

компьютеров в конфигурацию ARPANET [3]. Даже принимая столь отдаленное от современной нам Глобальной сети событие за точку отсчета, нельзя не признать, что Интернет был инкорпорирован в повседневность мгновенно, опередив своим экспоненциальным ростом возможную реакцию со стороны социальных институтов (научных, правовых, государственных и др.). В результате уже организованные и сложившиеся комплексы социальных взаимодействий оказались внутри реальности, для ответа на запросы и вызовы которой им необходимо было трансформироваться.

Преодолев ограниченное пространство научных лабораторий и дойдя до простого потребителя, Интернет позволил расширить границы общения и тем самым ускорил обмен самым ценным ресурсом постиндустриального общества – информацией. Став широкодоступными, новые возможности, полученные в процессе освоения современных информационно-коммуникативных технологий, заново актуализировали дискуссии о «ноосфере» и изменениях в образовании, стали основанием для концепций «электронной демократии» и «электронного государства». Парадоксальным образом Интернет как феномен стал поводом для обсуждения вызванных им социальных перемен в контексте тех ценностей, которые были характерны для Интернета как для активного общественного пространства – в контексте цифровой культуры. В определенной степени это служит подтверждением ставшей афоризмом сентенции М. Маклюэна: «Средство коммуникации есть сообщение» [4, с. 9].

Российский исследователь и теоретик цифровой культуры Д. Галкин предлагает в качестве одного из рабочих определений этого комплексного феномена информационной эпохи следующее: цифровой культурой являются «ценности современных капиталистических обществ, воплощенные в артефактах и технических системах, обеспечивающих заданный уровень социальной и экономической эффективности институциональной системы, ее символические и коммуникативные механизмы, а также установки и поведенческие привычки людей» [5, с. 16]. При этом исследователь отмечает, что предикат «цифровая» указывает не на информационные технологии сами по себе, а на их апроприацию социумом, на неотделимость новых способов коммуникации от современного образа жизни [5]. На основании этого можно заключить, что с развитием и распространением информационных технологий разница между понятием «цифровая культура» и самим термином «культура» нивелируется. Заметим, что английский исследователь Ч. Гир, автор работы «Цифровая культура», уже в предисловии ко второму изданию книги (2008) делает намек на то, что термин «цифровая культура» становится тавтологичным, избыточным, в случае его употребления по отношению к современности, настолько прочно цифровые технологии оказались вплетены в структуру социальной жизни [6].

В свою очередь, существующее в современном политическом дискурсе понятие «демократия» также можно назвать проблемным. За определение этого термина идет активная идеологическая борьба, в процессе которой до сих пор проявляют себя коннотации, приобретенные этим понятием в эпоху Просвещения. Австрийский и американский экономист Й. Шумпетер в работе «Капитализм, социализм и демократия» (1942) суммирует представления демократической философии XVIII в. следующим образом: «демократический метод есть такая совокупность институциональных средств принятия политических решений, с помощью которых осуществляется общее благо путем предоставления самому народу возможности решать проблемы через выборы индивидов, которые собираются для того, чтобы выполнить его волю» [7, с. 647]. Подобный взгляд на политику идеалистичен, если не сказать наивен, и сам Й. Шумпетер подвергает критике идеи «общего блага» и «всеобщей воли», тем самым доказывая несостоятельность как этих концепций, так и базирующейся на них классической демократической доктрины [7]. Этот иррациональный элемент, присутствующий в фундаментальных принципах политической теории, сторонники которой отстаивали антирелигиозные и просвещенческие взгляды, Й. Шумпетер связывает с эгалитарным духом христианства. В качестве примера, подтверждающего этот тезис, можно вспомнить таких ярких сторонников демократии, как Д. Джефферсон и А. Линкольн, на которых не мог не сказаться факт воспитания в протестантских семьях. Рассуждая о духе протестантизма в демократии, австрийский экономист напоминает: «Спаситель умер за всех: он не делал различия между людьми различного социального статуса» [7, с. 664]. Й. Шумпетер не выдвигает этот аргумент как универсальное объяснение внутренней противоречивости классической доктрины демократии. Однако он делает предположение, что если воспринимать отношение сторонников демократии не как агентов рационального выбора, а как верующих, то тем самым мы получаем возможность объяснить их отношение к политическим оппонентам – «фундаментальные расхождения во взглядах расцениваются не как ошибка, а как грех; они вызывают не просто логические контраргументы, но моральное осуждение» [7, с. 664].

Й. Шумпетер не ограничивается критикой классической демократической мысли, но сам предлагает реалистичное и функциональное определение того, что является демократическим методом: «это такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» [7, с. 667]. Это процедурное определение демократии точно ухватывает суть соответствующей правительственной системы, не пытаясь скрыть возможные изъяны ее функционирования (делегирующие народом власти

по молчаливому согласию, *quasi per inspirationem et cet.*). Но в рамках нашего исследования необходимо указать не столько на сам принцип функционирования демократии как метода, сколько на те атрибутивные признаки, по которым можно определить, является ли то или иное общество демократическим. Это важно сделать по той причине, что хотя сам по себе феномен цифровой культуры вносит изменения в ход политических процессов, люди, вступающие внутри пространства сети Интернет в коммуникацию, оказываются частью общества с уже сложившимися ценностями. Эти ценности могут отличаться, как они отличаются в разных типах «доцифровой» культуры, но остается существенным и важным принцип индивидуальной свободы, что мы так же отметим как ключевой атрибут демократии. Й. Шумпетер справедливо указывает на то, что «ни одно общество не терпит абсолютной свободы сознания или слова, и ни одно общество не ограничивает ее до нуля» [7, с. 670]. Тем не менее, именно наличие индивидуальных свобод (включающих политические, религиозные и свободу самовыражения) является гарантом самой возможности функционирования демократического метода, т.к. в случае авторитаризма и тоталитаризма человек отчужден от них – их подменяют прямые указания.

Говоря об индивидуальных свободах, нельзя забывать, что концепция демократии также сопряжена с понятиями права и ответственности (добровольный отказ от этих атрибутов в античном полисе был характерен для лиц, обозначаемых как *ἰδιώτης*). По мнению американского политолога Н. Урбинати, согласно современной теории демократии она начинается действовать в тот момент, как только люди заявляют о своих неотчуждаемых правах, т.е. когда применяют право для решения общественных вопросов: «У нас не может быть демократии, которая бы не зависела от индивидуальной свободы и того, что мы называем основными правами» [8, с. 148]. При этом условием демократии является то, что никакая индивидуальная свобода не может быть выше закона, именно закон обеспечивает функционирование общественного союза, обозначаемого как «государство».

Вернемся к цифровой культуре. Современный Интернет является плюралистичным пространством, что не означает, будто внутри него индивид обретает полную вседозволенность самовыражения. Не углубляясь в анализ структуры полилогической интернет-коммуникации, укажем на то обстоятельство, что использование доменного имени (служащего для идентификации ресурса уникального набора символов) предполагает наличие как минимум двух субъектов. Это регистратор (в случае с доменом в национальном сегменте Республики Беларусь это «юридическое лицо Республики Беларусь, оказывающее услуги по регистрации доменных имен в национальном сегменте сети Интернет» [9]) и администратор домена («физическое лицо, индивидуальный предприниматель, юридическое лицо, заключившие договор на регистрацию доменного имени и осуществляющие администрирование домена» [9]). Администратор доменного имени является лицом, *de jure* осуществляющим контроль над использованием ресурса. Значит, что даже в случае анонимной интернет-площадки все равно существует определенная иерархия, т.к. есть фактический владелец этого сайта, который может в одностороннем порядке удалить или запретить определенный тип информации. Администратор может установить правила сайта и делегировать некоторой части пользователей контроль по их соблюдению, расширив возможности этих, немногих, пользователей по управлению сайтом. При этом стоит обозначить, что в ряде случаев администратор домена обязан следить за тем, чтобы содержимое ресурса не нарушало закон страны, в национальной доменной зоне которого расположен сайт, т.к. несет за это юридическую ответственность. Нами использовано выражение «в ряде случаев», поскольку не все участники развития Глобальной сети являются сторонниками национального регулирования и «деления» Интернета. Тем не менее, как отмечается в статье российских исследователей К. Ивановой и Е. Немчиновой «Трансформация права на свободу слова в сети Интернет как инструмента развития демократии», несмотря на то что глобальное информационное пространство Интернет не очерчено границами, в ряде стран его «границы» устанавливаются и регулируются принятыми законами о киберсуверенитете [10].

Это удачно выразили российские исследователи экономики: «Вокруг доменов и доменных имен в Интернет-пространстве складывается специфическая область отношений» [11, с. 86]. Однако первоначально доменное имя служило лишь механизмом, позволяющим представить адрес сайта в удобной для человека форме, и его правовой статус не был в центре дискуссий. Уже на ранних этапах разработки сети Интернет специалистов беспокоил другой вопрос – проблема защиты данных. Существующее в дорефлективных формах коллективного знания отождествление вседозволенности и свободы и последующее утверждение пространства сети Интернет как пространства именно этой свободы-вседозволенности во многом обязаны успехам в этой области (шифрования и защиты информации). Но и возможность осуществления валютных операций или ведения бизнеса в пространстве Интернет также является следствием успехов криптографии в области цифровых технологий. Этот аспект имеет значения как для цифровой культуры вообще, так и для отдельной субкультуры в ее рамках, которую можно обозначить как шифропанк или криптоанархизм. Один из идеологов этого движения Т. Мэй в 1994 г. писал, что криптоанархия должна пониматься как отсутствие государства в пространстве Интернет, а не как хаос и беззаконие [12]. Развитие Глобальной сети показало утопичность такой эскапистской модели развития вирту-

альной реальности. Тем не менее, главная цель этого движения – гарантия приватности данных человека оказавшегося в пространстве сети Интернет – стала важным мотивом в развитии цифровой культуры. В качестве конкретного примера последствий этого влияния стоит привести иск Д. Бернштейна против Государственного департамента США, в результате которого было установлено, что запрет на экспорт программного обеспечения для шифрования является не конституционным, а сам исходный код программного обеспечения защищается Первой поправкой (о свободе слова) [13]. В составлении иска помогали юристы из Electronic Frontier Foundation (некоммерческой организации, основанной шифропанками Дж. Барлоу и М. Капором).

Демократический характер цифровой культуры проще всего обнаружить через анализ ее инклюзивности. Инклюзивность не является родовым атрибутом демократии, классические виды которой не предусматривали участия в политике женщин, детей, рабов и иностранцев. Однако, как замечают российские исследователи, инклюзивность есть продолжение и абсолютизация принципов рыночности, либерализма и демократии, реализующие их «в абсолютном масштабе» [14]. Из инклюзивности цифровой среды следует характерная эклектичность информационного ландшафта Интернета.

Речь идет не о том, что сегодня для выхода в Интернет необходимы особые технические навыки или знания, программное обеспечение, а также выход в сеть, на что можно было указать еще в конце XX в. О широкой доступности выхода в Глобальную сеть может говорить тот факт, что на 30 июня 2019 г. было зафиксировано свыше 4,5 млрд интернет-пользователей [15]. Информационные технологии оказались настолько инкорпорированы в нашу повседневность, что на смену дискуссиям о «цифровом разрыве» и «цифровом неравенстве» приходит мнение, что большее потребление цифровых услуг характеризует бедных, а меньшее – богатых. Как пишет журналист The New York Times Н. Боулз: «В то время как богатые дети растут, проводя меньше времени за экранами, у бедных детей это время только увеличивается. То, насколько комфортно кому-то будет взаимодействовать с человеком, может стать новым классовым признаком» [16].

В той же статье автор упоминает демократическую природу «интернет-революции» и ту радость, которая была сопряжена с фактом этой демократичности. «Facebook остается тем же самым Facebook независимо от того богат ты или беден. Gmail – это тот же самый Gmail. И все это бесплатно» [16]. Несмотря на характерный для публицистики провокативный характер высказываний Н. Боулза, отметим, что бесплатный доступ и единый функционал сервисов, предназначенных для коммуникации, – подтверждение инклюзивности интернет-среды. Важным следствием инклюзивности и широкой доступности является то, что в результате развития информационно-коммуникационных технологий более половины населения планеты оказалось вовлеченным в производство информации, имеющей открытый доступ. Это не могло не сказаться на самом характере информации в пространстве сети Интернет. Как отмечает белорусский исследователь Д. Доброродный, касаясь в статье «Интернет как технологическая основа культуры постмодерна: философия интернета Л. Ропольи», темы плюральности интернет-пространства: «Интернет содержит все виды информации (ценная и бесплатная, правдивая и ложная, традиционная и современная и т.д.), которые смешались между собой в несистемную совокупность равнозначных знаний» [17, с. 35]. Возникает вопрос: как ориентироваться посреди такого информационного шума? Ответ на него ведет нас к описанию организации социальных механизмов Глобальной сети.

Мы уже отмечали роль доменных имен, однако не уделили внимание тому, что доменное имя является иерархичным и определяет уровень автономии интернет-ресурса. Полное доменное имя в формате google.com обозначает домен второго уровня (google), входящий в домен верхнего уровня (com), а тот входит в безымянный корневой домен (точка). При этом адрес com указывает на доменную зону, не являющуюся собственностью компании Google и доступную для регистрации других доменных имен. Эти зоны могут отсылать к территориально-языковым границам (домены uk, рф, бел и пр.), а могут указывать на тематическую направленность портала (домены gov, jobs, edu и др.). Заметив определенную закономерность внутри адресной строки, пользователь сети получает базовые ориентиры внутри цифрового пространства. Существование автономных областей уже указывает на то, что цифровая культура стремится к удобной и понятной для человека организации пространства. Информация, доступная на домене edu и gov, должна вызвать у пользователя большее доверие, чем информация, полученная с доступных для неограниченной регистрации доменов org, com или net.

Интернет многомерен, но нельзя забывать, что сегодня он для многих ассоциируется (и отождествляется) с социальными сетями. Согласно данным оксфордского исследователя Э. Ортис-Оспина, в Facebook, самой популярной социальной сети, зарегистрировано 2 млрд 300 тыс. активных пользователей [18]. Эти данные не учитывают то, что пользователи могут использовать другие социальные сервисы не только вместе, но и вместо Facebook (среди них Youtube, Whatsapp et cet.). При этом исследователь указывает на важную тенденцию – то, каким образом социальные сети меняют мир: «Быстрое и повсеместное внедрение этих технологий изменяет то, как мы находим себе партнеров, как мы получаем доступ к информации из новостей и как мы организуемся, чтобы требовать политических

изменений» [18]. Популярность и востребованность этих сервисов говорит о том, что они отвечают на определенный общественный запрос – через социальные сети человек подтверждает собственное присутствие в пространстве сети Интернет. Фрагментарный (пунктирный) характер бытийности внутри Глобальной сети облегчает самопрезентацию, делает проще конструирование рассказа о себе, своего образа (транслируемый время от времени, в виде коротких информационных сигналов, этот образ может представляться как существенная характеристика человека, по сути своей являясь лишь случайным перечнем его акциденций).

Так же, как случайный пользователь в процессе самопрезентации не характеризует себя, а транслирует историю о себе, в пространстве социальных сетей выстраивают свой рассказ коллективы. Это могут быть коммерческие компании, независимые объединения, государственные предприятия и пр. Социальные сети аккумулируют истории, из которых пользователи сервиса путем подписки конструируют свой личный нарратив. Рассказ не должен быть выстроен исключительно средствами текста для того, чтобы в нем присутствовала выделяемая литературоведом В. Тюпой в качестве специфической черты нарратива «двойная событийность» [19]. Более того, двойная событийность (событие рассказа и событие самого рассказывания) не исчезает даже в момент прямой трансляции, т.к. человек опосредован от самого события через средство рассказа – экран телефона, планшета и т.д. Таким образом, виртуальное присутствие не делает мир ближе, а скорее отчуждает его. Эта проблема обнаруживает себя в тот момент, когда рассказ начинает восприниматься как факт. Корректней будет сказать, что в него начинают верить как в факт.

Не менее важную роль в том, какие трансформации текст претерпевает в условиях информационного общества, играют лидеры мнений – «инфлюенсеры». Чаще всего под определение «инфлюенсер» попадают блогеры (под блогом мы будем понимать не только специализированные интернет-дневники, но шире – личные страницы в социальных сетях) с миллионом или сотней тысяч подписчиков, хотя сегодня выделяют также «микроинфлюенсеров» (от десяти до сотни тысяч подписчиков) и «наноинфлюенсеров» (несколько тысяч подписчиков). Феномен «инфлюенсеров» описывает российский исследователь А. Шантуров в статье «Виртуальные инфлюенсеры как объект исследования»: «Течение, начавшееся как способ поделиться собственными жизнью и мнением с окружающими, переросло в целую индустрию личного влияния. На сегодняшний день один человек способен указывать десяткам тысяч, что они должны есть, как одеваться и что делать в повседневной жизни. Таким образом, создается новый вид коммуникации. Человек, смотрящий видео или читающий пост в социальной сети, чувствует сопричастность с автором контента, представляет, что находится рядом с ним. С точки зрения философии здесь формируется целый пласт передачи эмпирического опыта между людьми» [20, с. 64]. Согласно этому описанию, специфической чертой общности популярных блогеров с аудиторией является их «открытость» и высокий уровень эмпатии, характеризующий подобный тип коммуникации. Важным элементом, дополняющей эту картину, является «монетизация» блога – внедрение в него механизмов для извлечения прибыли. Чаще всего это происходит через внедрение в блог сторонней рекламы, хотя сама популярность является достаточным ресурсом для того, чтобы, например, задействовать ее в продвижении личного бизнеса или политической карьеры. В контексте же рассматриваемой нами проблемы важнее будет отметить, что материал, подаваемый через «ощущение сопричастности», не может служить подходящим ни для конструирования целостного политического мышления, ни для развития критического мышления вообще. Особенно, если он ангажирован и/или преследует коммерческие цели.

Гераклит Эфесский язвительно замечал: «Многознание уму не научает, иначе Гесиода бы научило и Пифагора, а также Ксенофана и Гекатея» [21, с. 31]. Оставив в стороне данную философом оценку конкретных исторических фигур, согласимся с самим фактом того, что обилие информации не ведет само по себе к тому, что характеризуется как ум или мудрость. То, что современные практики поведения в Глобальной сети подразумевают преимущественно опосредованное восприятие информации, подтверждает провидческий тезис М. Маклюэна об обществе «глобальной деревни» – тесном и взаимозависимом мире. При этом нельзя утверждать, что цифровая культура, в фундаменте которой заложены ценностные установки ученых на распространение знания и защиту личной информации, изначально ориентировалась на приоритет в выражении чувственным или развлекательным формам. Логично предположить, что по мере развития сети Интернет появление в ее структуре новых технологий и инвесторов спровоцировали трансформации цифровой культуры. Повсеместное внедрение «умных алгоритмов», помогающих пользователю в формировании его индивидуального нарратива, не призваны обеспечивать его объективной информацией; они созданы, чтобы увеличить время пользования сервисом и тем самым максимизировать прибыль компании. Для этого «нежелательная» и «неприятная» пользователю информация отсеивается, еще больше запутывая представление жителя Глобальной сети о реальном мире. При этом происходит и обратный процесс – критически мыслящий пользователь в целом утрачивает доверие к источникам информации.

Сказываются ли эти трансформации, происходящие внутри Глобальной сети, на эффективности демократии как политической системы? Даже если ограничиться процедурным определением демократии, мы не сможем свести ее социальную роль исключительно к развитию политических институтов. Выступая организующим фактором общественной жизни, демократия становится пространством социальной связи, действие и принятие решений в котором вынуждает индивида обращаться к собственным личностным качествам (правосознанию, этике, морали), но также иметь в виду фигуру «другого», носителя противоположных интересов. В этом конфликте мнений формируется как гражданственность, так и индивидуальность, а значит, невозможно разделить демократию и культуру, взаимосвязанные и взаимно определяющие явления. Цифровая культура, в свою очередь, является не только выражением нового способа коммуникации или обозначением общечеловеческой информационной библиотеки, но и самостоятельным явлением с уникальными свойствами, изменения которых способны отразиться на экономических, политических и социальных сторонах общественной жизни. Внутри цифровой среды происходит не только производство информации и дезинформации, но и важные общественные явления – организуются волонтерские группы, устраиваются общественные опросы, распространяются научные знания и др. По причине того, что все труднее становится различить границу между цифровой культурой и культурой вообще, нельзя утверждать, что те проблемы, которые выявлены при анализе коммуникации в сети Интернет (а это преобладание эмоциональной сферы над рациональной и делегирование выбора лидерам мнений, своеобразное «бегство от свободы»), не связаны с теми проблемами, которые сегодня наблюдаются в пространстве глобальной политики. Это звенья одной цепи, так что отражения кризиса в сфере цифровой культуры мы с неизбежностью наблюдаем в современной повседневности.

Заключение. Таким образом, проблема демократии в контексте цифровой культуры может быть представлена как:

– проблема функционирования демократического способа управления в условиях информационного общества (дезинформация, манипуляции общественным мнением, подмена активного участия в политической жизни страны интернет-активизмом и др.);

– кризис демократических ценностей внутри пространства самой цифровой культуры (пассивная включенность пользователей в общее информационное пространство, делегирование выбора алгоритмам, признание авторитета агентов влияния на основании их символического капитала (количество подписчиков или просмотров) и пр.).

Именно эти два аспекта, выделяемые на фоне комплексных социальных движений внутри цифровой культуры, представляют наибольший интерес и могут стать предметом дальнейших исследований в сфере социально-гуманитарных наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Спиноза, Б. Избранные произведения / Б. Спиноза. – М. : Изд-во полит. лит., 1957. – Т. II. – 728 с.
2. Уваров, М.С. Третья природа: размышления о культуре и цивилизации. / М.С. Уваров. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. – 252 с.
3. Краткий курс истории Интернет / Б. Лейнер [и др.] // Jet Info. – 1997. – № 14. – С. 4–18.
4. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М. : Кучково поле, 2014. – 464 с.
5. Галкин, Д.В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей / Д.В. Галкин // Междунар. журн. исслед. культуры. – 2012. – № 3 (8). – С. 11–16.
6. Gere, C. Digital Culture / C. Gere. – London : Reaction Books, 2008. – 240 p.
7. Шумпетер, Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й.А. Шумпетер. – М. : Эксмо, 2008. – 864 с.
8. Урбинати, Н. Искаженная демократия. Мнение, истина и народ / Н. Урбинати. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – 448 с.
9. Инструкция о порядке регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет [Электронный ресурс] : приказ Оператив.-аналит. центра при Президенте Респ. Беларусь, 18 июня 2010 г., № 47 : в ред. приказа Оператив.-аналит. центра при Президенте Республики Беларусь, 28 нояб. 2016 г., № 85. – Режим доступа: <https://cctld.by/documents/instruction-on-the-procedure-of-registration-of-domain-names-in-the-space-of-hierarchical-names-of-t/>. – Дата доступа: 25.01.2020.
10. Иванова, К.А. Трансформация права на свободу слова в сети Интернет как инструмента развития демократии / К.А. Иванова, Е.В. Немчинова // Вестн. ун-та им. О.Е. Кутафина. – 2019. – № 9 (61). – С. 134–139.
11. Моисеева, М.Б. Технологическая основа социальных взаимодействий в Интернет-пространстве / М.Б. Моисеева, Д.Н. Дорофеев, М.С. Матвеев // Проблемы науки. – 2018. – № 1 (25). – С. 85–87.
12. May, T.C. Crypto Anarchy and Virtual Communities [Electronic resource] / T.C. May. – Mode of access: <https://nakamotoinstitute.org/virtual-communities/>. – Date of access: 06.01.2020.
13. Encyclopedia Britannica [Electronic resource] / K. Featherly // Bernstein v. the U.S. Department of State., May 20, 2016. – Mode of access: <https://www.britannica.com/event/Bernstein-vs-the-US-Department-of-State>. – Date of access: 06.01.2020.

14. Прусова, В.И. Влияние рынка ценных бумаг на инклюзивное развитие общества [Электронный ресурс] / В.И. Прусова, В.В. Безновская, М.А. Коньшева // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 3–2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-rynka-tsennyh-bumag-na-inklyuzivnoe-razvitie-obschestva>. – Дата доступа: 25.01.2020.
15. Internet World Stats [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm>. – Date of access: 06.01.2020.
16. Bowles, N. Human Contact Is Now a Luxury Good [Electronic resource] / N. Bowles // The New York Times. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2019/03/23/sunday-review/human-contact-luxury-screens.html>. – Date of access: 06.01.2020.
17. Добродородный, Д.Г. Интернет как технологическая основа культуры постмодерна: философия интернета Л. Ропольи / Д.Г. Добродородный // Журн. Белорус. гос. ун-та. Сер. Философия. Психология. – 2019. – № 2. – С. 32–38.
18. Ortiz-Ospina, E. The Rise of Social Media. Our World in Data [Electronic resource] / E. Ortiz-Ospina. – Mode of access: <https://ourworldindata.org/rise-of-social-media>. – Date of access: 06.01.2020.
19. Тюпа, В.И. Очерк современной нарратологии / В.И. Тюпа // Критика и семиотика. – № 5. – 2002. – С. 5–31.
20. Шантуров, А.В. Виртуальные инфлюенсеры как объект исследования / А.В. Шантуров // Третья зимняя школа по гуманитарной информатике. – 2019. – С. 63–66.
21. Гераклит Эфесский. Все наследие: на языках оригинала и в русском переводе / Гераклит Эфесский ; подгот. С.Н. Муравьев. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2012. – 416 с.

Поступила 04.03.2020

THE CHALLENGE OF DEMOCRATIC FOUNDATIONS OF DIGITAL CULTURE

V. STASHIS

The article deals with the phenomenon of the Internet as a special social and political space. The problem of digital culture formation in conditions of exponential development of information and communication technologies is considered. Internet users form a specific area of social relations, the analysis of which can show not only the eclectic set of domain names (autonomous regions) within the virtual reality, but also reveal the hierarchy and, what is equally important, the collective values of the Internet environment. The social, economic and political importance of the digital environment is undeniable, making it a place of struggle for influence by agents with varying degrees of ideological engagement. A key aspect of this article is the representation of digital culture as a system formed and having its own attributes, without taking into account the values of which the Internet appears as a thing-in-itself.

Keywords: digital culture, cyberspace, information society, Internet, democracy, privacy.